

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

Н.В. Барковская

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК ТЕМА ЭЛЕКТИВНОГО КУРСА

В советском литературоведении проблема взаимодействия культур решалась достаточно просто. Исходя из дихотомии формы и содержания, теоретики полагали, что советское искусство должно быть национальным по форме и социалистическим по содержанию. В Тюмени мне довелось увидеть бюст Юрия Гагарина: при реставрации бюста лицо космонавта приобрело отчетливо мансийский облик. П. Вайль цитирует бурятские частушки про Ленина из книги 1930-х гг. «Ленин в русской сказке и восточной легенде»:

Когда перестал идти сильный дождь,
То легче стало птенцу кроншнепа.
Когда установилась власть Ульянова,
То народу стало легче и лучше.
Облегчившему участь саврасой лошади,
Быстрому вагону – благодарность.
Облегчившему участь трудового народа,
Коммунисту Ленину – благодарность.

Это – подстрочник, стихи приведены в книге сначала на бурятском языке, причем, как замечает П. Вайль, перевод этих «буддистских бормотаний» и не нужен¹.

Проблема национальной культуры сложна в силу крайней идеологизированности и мифологизированности. Когда символисты обсуждали судьбу России в координатах «Восток или Запад», то речь шла не об исторических, геополитических или национальных реалиях, а о психологических комплексах, с доминированием рационалистических, аполлонических начал или дионисийского экстаза, Христа или антихриста. Точно так же образ «Куликова поля» у А. Блока, идея панмонголизма («желтой опасности») у А. Белого, обретают, в духе Вл. Соловьева или Р. Штейнера, совершенно мифологическое содержание.

По мнению Л. Гудкова, русская национальная идентичность имела негативный характер, т.е. русская самобытность осмыслялась через противопоставление Европе (начиная с борьбы западников и славянофилов в 1830-х гг.); на этом фоне вырабатывалась идея русского мессианизма, особого пути России,

призванной служить «историческим щитом», начиная с эпохи татаро-монгольского нашествия до периода Второй мировой войны. Окончательно русская национальная идея сформировалась на рубеже XIX-XX вв.² Сейчас, на рубеже XX-XXI столетий, проблема национального своеобразия культур обостряется в связи с процессами глобализации (модернизации) общества. Л. Гудков дает следующее определение глобализации: это – «формирование транснациональных акторов (компаний, информационных сетей), появление международных политических и финансовых институтов, свободное движение капиталов и труда, резкое расширение сферы массовой информации, унификация новых и более высоких требований к качеству образования, здравоохранения, защите окружающей среды, ослабление традиционных государственных барьеров...»³. Процессы универсализации (прежде всего, в образовании, научных исследованиях, сфере отдыха и туризма) приводят к размыванию прежних национальных стереотипов, в частности, лидерство европейских стран потеснили США, Австралия, Япония, страны Южной Азии. Тенденция к глобализации сталкивается с тенденцией консервативного традиционализма («ограждение своего – способ выживания в меняющемся мире»⁴). И хотя формирование «открытого общества» идет в России весьма противоречиво (например, отсутствует такой важный компонент модернизации общества, как обширные инвестиции в систему высшего образования), однако идеи «железного занавеса» или «безродных космополитов» уже невозможны. Знакомясь с культурой других стран, русские отчетливее сознают свое своеобразие, без комплекса «негативной идентичности», т.е. не через конфронтацию, а через диалог. П. Вайль пишет: «Проблема – в скорости и густоте коммуникаций, невиданной, неслыханной и непредставимой прежде. Новизна – не количественная, а принципиальная. В этом стремительном теле-радиогазетно-кино-музыкально-товарно-туристско-компьютерном потоке исчезают и уносятся подробности, нюансы, оттенки... Как держаться за свое, если вокруг тебя ежеминутно – чужое? И какова в наши дни доля горькой иронии

---

¹ Вайль П. Карта родины. М., 2007. С. 46-47.

Нина Владимировна Барковская — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современной русской литературы Уральского государственного педагогического университета.

---

² Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997-2002 годов. М., 2004. С. 125.

³ Там же. С. 770.

⁴ Вайль П. Гений места. М., 2006. С. 76.

в мандельштамовских строках: “Но люблю эту бедную землю, оттого что иной не видал?”⁵.

В новых условиях возникают и новые формы межкультурных взаимодействий. Можно найти яркие примеры типологических схождений (не связей, контактных или типологических), обусловленных универсализаций (нивелировкой – «телевизор в юрте, ацтек в автомобиле», по словам П. Вайля) опыта повседневности, например, стихотворение Е.Шварц «Зверь-цветок» создано раньше, чем рисунок С. Дали «Невозможная натура», тогда как предмет изображения (женщина-дерево-зверь-цветок, заштрихованная дождем) удивительно похож у обоих авторов. Нередко возникает игровой диалог, литературная игра: бестселлер У. Эко «Имя розы», а также во многом повторяющий его «Код да Винчи» Дэна Брауна вызвали своеобразный римейк «Код Онегина» Брэйна Дауна (Дм. Быкова); отметим также «этнокарнавальную текст» – мистификацию – цикл романов «Евразийская симфония» Хольма Ван Зайчика (Рыбаков, Алимов) – голландца по происхождению, русского по умунастроению, советского разведчика, крупнейшего производителя капусты, китайца по языку сочинений, синкретичного вероисповедания; Интернет, международные конкурсы, книжные серии формируют единое интертекстуальное пространство; так, в 2005 г. в серии «Внутренний голос» (изд-во «Emergency Exit») вышли книги стихов Е. Фанайловой (Москва) и В. Темирова (Нью-Йорк): при всей разнице эмоционального звучания (пафосно-трагического у Фанайловой и иронично-шутливого у Темирова), принципов поэтики, тематических мотивов можно отметить, тем не менее, определенную – сознательную – перекличку этих книг (книга Фанайловой позиционирована как американский блокбастер о России, последняя в книге Темирова миниатюра «Кино и буржуазия», написанная от лица женщины, травестирует концепцию Фанайловой).

Количество примеров легко умножить, отметим популярные у молодежи русско-французский журнал «Psychologies», журнал «Geo», публикующий статьи и русских, и американских исследователей и проч.

В условиях «открытого общества» новый расцвет переживает жанр травелогов, путевых дневников, туристических заметок – своеобразная «психогеография», если использовать выражение Е. Шварц. В XIX в. травелогов не так уж много – «Письма русского путешественника» Карамзина, «Фрегат «Паллада»» Гончарова. Серебряный век резко расширил поэтическую географию, открыл новые культурные горизонты перед читателями. Бальмонт собирал сказки ацтеков и был влюблен в Японию; книга Брюсова «Сны человечества» знакомит с поэзией разных стран через искусные стилизации;

об Александрии писали Кузмин, Бунин, Гумилев и т.д. Особенно обширен «итальянский текст» в поэзии начала XX в.: и Блок, и Бунин, и Гумилев, и Кузмин, и Мандельштам видели нечто родственное себе в итальянских городах и укладе жизни⁶. Подбирая материал к спецкурсу, можно использовать книгу А. Карамурзы «Знаменитые русские о Флоренции» (М., 2001). Показательным будет сопоставление с произведениями современных поэтов, например, И. Бродского, а также Е. Шварц «Снег в Венеции», «Зимняя Флоренция с холма» («Новый мир». 2003. № 5), циклом В. Строчкова «Стихи из Италии» («Авторник. Альманах литературного клуба». М., Тверь. 2002). Открывателем африканской темы в русской поэзии стал Н. Гумилев, возможно сопоставление его образного решения темы Африки с произведениями Р. Киплинга. Книга стихов Гумилева «Шатер» вообще планировалась как поэтическая география; черты сходства и, вместе с тем, существенные различия в обрисовке, например, Египта обнаруживаются при сопоставлении стихов Гумилева «Красное море», «Египет» с путевыми поэмами И. Бунина «Дельта», «Свет Зодиака» из цикла «Тень птицы».

По-прежнему большое место в современной литературе о заграничных впечатлениях занимают жанры ведуты (описание характерного городского уголка) и экфразиса (описание живописного, скульптурного, архитектурного произведения). Естественно, на занятиях с учащимися уместно наряду с литературными произведениями использовать репродукции, фотографии и проч., благо путеводителей много и в печатном виде, и на соответствующих сайтах. Если элективный курс «Поэтическая география» читается на факультетах сервиса и туризма, международных отношений, то материал можно расширить. В частности, назовем прекрасную книгу П. Вайля «Гений места» (М.: Ко Либри. 2006. 485 с.). построенную на сопоставлении не только городов, но и тех писателей, художников, композиторов, кинорежиссеров, которые выразили дух данного места: Лос-Анджелес – Ч. Чаплин, Сан-Франциско – Д. Лондон; Афины – Аристофан, Рим – Петроний; Дублин – Джойс, Лондон – К. Дойл; Руан – Флобер, Париж – Дюма; Толедо – Эль Греко, Мадрид – Веласкес и т. д. Своеобразные психолого-этнографические эссе содержат книги А. Гениса «Колобок. Кулинарные путешествия» (М, 2007) и Б. Акунина (Г.Чхартишвили) «Кладбищенские истории» (М., 2005), характеризующие культуру разных стран через быто-

⁵ Вайль П. Гений места. М., 2006. С. 134.

⁶ См., напр.: Барковская Н.В. «Итальянский текст» как этап творческой саморефлексии в русской поэзии 1910-х гг. // Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. Вып. 7. Екатеринбург, 2004; Меднис Н.Е. Флоренция в русской поэзии XIX-XX вв. // Проблема интерпретации в лингвистике и литературоведении. М-лы Третьих Филологических чтений. Т. II. Новосибирск, 2004.

вые аспекты (национальная кухня, обычаи погребения усопших).

Если же элективный курс читается в филологическом классе, то ограничиваться только тематическим анализом не стоит. Для «географических» стихотворений характерны стилизация, использование твердых стиховых форм, свойственных той или иной национальной литературе (канцона, газель и проч.), нередко используется верлибр. Яркой особенностью подобных произведений является макаронический стиль, известный и в XIX в., но изменивший свою функцию в соответствии с изменением мироощущения.

Макаронические стихи (итал. *Poesia maccheronica*, от *maccheroni* – макароны) – шуточные или сатирические стихи, текст которых пересыпан иностранными словами или словами, составленными на иностранный манер. Вмонтажирование в лексику родного языка чужеземных слов производит комический эффект⁷. Сатирическая поэма И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан лэтранже» высмеивает увлечение дворян французским языком и характерный комплекс в отношении к иностранцам – смесь раболепия и презрения. В 1 главе описывается отъезд госпожи Курдюковой:

Вот в дорогу я пустилась:
В город Питер дотащилась
И промыслила билет
Для себя, э пур Аннет,
И пур Харитон ле медник.
Сюр ле пироскаф «Наследник»
Погрузила экипаж,
Приготовилась в вояж.
Но на Бердовой машине
Вздумалось моей кухне
Бедную меня, малад,
Проводить жюск'а Кронштадт.
Берег весь кипит народом
Перед нашим пароходом:
Де мамзель, де кавалье,
Де попы, дез офисье,
Де коляски, де кареты,
Де старушки, де кадеты,
Одним словом, всякий сброд.
Задымился пароход,
В колокольчик застучали,
Все платками замахали,
Завозились ле мушуар,
Все кричат: «Адье, бонсуар,
Ревене, не м'ублие па!»⁸

О порче языка повествует сатирическое стихотворение В. Маяковского «Американские русские»:

Петров
Капланом
за пуговицу пойман.
Штаны
заплатаны,
как балканская карта.
«Я вам,
сэр,
назначаю апойнтман.
Вы знаете,
кажется,
мой апартамент?
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара набита,
около
можете взять
подземный трен.
Возьмите
с менянем пересядки тикет
и прите спокойно,
будто в телеге.
Слезете на корнере
у дрог ликет,
А мне уж
и пинту
принес бутлгер...⁹

Как видим, в данном случае не происходит повышения культурного уровня русских, оказавшихся за границей, наоборот, опошляются, снижаются до примитивного уровня внешние заимствования, о чем свидетельствует смешение английских слов с русским просторечиями. Автор подводит итог:

Уж если
Одесса – Одесса-мама,
То Нью-Йорк –
Одесса-отец.

Об утрате языкового инстинкта, дефектности речи русских парижан, не по доброй воле оказавшихся в изгнании, пишет в своих рассказах Н.А. Тэффи. В рассказе «Разговор» русский парижанин утешает приехавшего из Берлина соотечественника:

– Подождите. Найдем вам какое-нибудь meuble...
– А в каком бецирке дешевле?
– Что?
– Я спрашиваю, в каком бецирке...
– Господи, да вы совсем по-русски говорить разучились. Ну, кто же говорит «в бецирке»!
– А как же по-русски?
– По-русски называется арондисман¹⁰.

Стихотворения современных авторов повествуют о человеке, добровольно посещающем чужую страну, с радостью узнающем что-то

⁷ Квятковский А. Поэтический словарь. М., 1966. С. 149-150.

⁸ Мятлев И.П. Стихотворения. Сенсации и замечания госпожи Курдюковой. Библиотека поэта (2-е изд.). Л., 1969.

⁹ Маяковский В.В. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1958. С. 80-82.

¹⁰ Тэффи Н.А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1998. Т. 3. С. 173.

близкое себе в ином укладе, с благодарным удивлением открывающем новое, яркое, замечательное – то есть становящемся душевно более гибким и богатым. В стихотворении В. Строчкова «Коктейль Больяско» (цикл «Стихи из Италии») макаронический стиль (смесь, языковой «коктейль») не свидетельствует о порче родного языка и не выполняет сатирической функции. Чужой язык позволяет глубже проникнуть в свой, в этимологические корни, восходящие к индо-европейскому праязыку. (В. Строчков и А. Левин – создатели особой поэтики – «лингвопластики», построенной на игре с языком как с особой реальностью, обладающей изменчивостью, подвижностью и избыточностью; их излюбленные приемы – каламбур, обыгрывание омонимии, полисемантики, изоморфности слов разных частей речи¹¹). Не случайно над всем стихотворением витает тень В. Набокова – писателя-билингвы, обогатившего как русский, так и английский литературный язык.

КОКТЕЙЛЬ «БОЛЬЯСКО»

I.

Набобовский коктейль на Villa dei Pini.
Набоковский контекст, другие берега.
Заложник языка, какая брешь в гордыне!
Страдательный залог услужливой врага.
Опасливый дурак, медвежьник служуций,
Internal Passive Voice, сквозь дырочки гардин
и щели жалюзи глядит на мир снаружи,
с которым он один остался на один
такой короткий срок зимовья и тревоги:
не сядешь на пенек, не тронешь пирожка.
Обложенный язык урчит в своей берлоге,
гнусит охочий звук английского рожка.

II.

Но памятник в себе, берущий на арапа,
никак не зарастет народный родничок
детины-языка, и виски или граппа
не в силах развязать, связать и на крючок
в вольере запереть. Сквозь дурочку в гордыне
медвежьего глазка он зыркает, пыхтя,
и чутко ловит звон разымчивой латыни,
напевный баюбай, и внемлет, как дитя,
пуская пузырь, гуля и засыпая,
Волчицын бок одной и Ромула другой
руками обхватив.

III.

И вот любовь слепая,
как волчье молоко, цедится под рукой,
ползет по языку и, омывая нёбо,
расходится в крови опаловой волной
и, растворив собой урсусливую злобу,
уводит на латынь «любимый» и «родной».
Уже не кровь – ихор мне шепчет: «Prediletto!»,
и, эхом вторя вслед, «Amata!» – я шепчу;
«Germino!» – мне в ответ, и нет родней ответа,
он теплится свечой, и не задуть свечу,
и больше не понять, che lingua é materna,
и che natale мне paese e città;
трепещет язычок, candela di lanterna,
и sogno тянет сон, и sonno длит мечта.

IV.

Но сонная мечта – лишь dream, а в перепонки,
взрывая немоту и лепет, шёпот, стон,
настырный Новый Свет зудит свои дифтонги
сквозь зубы и язык, дудя, сдирает сон.
Назойливый кузен, двоюродный и грубый,
но, в сущности, простец, old fellow и братан,
рычит мне: «How are you?!», просторно скаля зубы.
«OK! And how are you?!» Грохочет кабестан,
натягивая цепь, и якорем разлапым
ползешь из глубины, цепляя сонный ил,
ловя последний блик ночной волшебной лампы,
и шорох голосов, и шелест теплых крыл.

V.

Мир поднимает «Hi!!!», в нем всё кричит и свищет,
и птичьих «Come stai?!» стремителен полет.
«Сто бэнэ» – отвечай – хотя их, может, тыща,
и, может, даже, «rìù» – и он с тобою пьёт.
Менахем и Мими несут «Шалом» на хибру,
Керала пьёт «Чин-чин!» на птичьем языке.
Мир предстает уже нестрашным и нехитрым,
мы с ним «на брудершафт», на «ты» и налегке.
Я выпускаю джин из бешеной бутылки
и, тоника плеснув, приемлю этот мир.
«Okay! Pogovorim?» – Да хоть на суахили!
а Джанни говорит: «Buon giorno, Vladimir!»

VI.

Щекоchet тонкий луч тепла и пониманья
сквозь щели жалюзи, пора их открывать,
и замкнутая речь сквозь дырочку в гортани
сочится родничком и силится прорвать
чужие берега, запруду иноречи,
медведка языка щекоchetся во рту.
Разинь окно и рот – и мир тебе навстречу
весь ринется, даря такую простоту,
такой просторный путь, такую дичь и прелесть,
такую голосов нестройную толпу –
впадай же в эту речь, в неистовство и ересь,
в цеплячий Вавилон, пробивший скорлупу.

Villa dei Pini [вилла деи пини] – сосновая (пиниевая) вилла.

Prediletto [прэдилетто] – любимый (о ребенке).

Amata [амата] – любимая (о матери).

Germino [джермино] – родной (о брате).

Che lingua é materna [кэ лингва э матэрна] – какой язык (есть) родной.

Che natale ... paese e città [кэ наталэ ... пазе э читта] – какая родная ... страна и город.

Candela di lanterna [кандэла ди лантэрна] – свеча лампы, фонаря.

Sogno [соньо] – мечта.

Sonno [сонно] – сон.

Come stai? [комэ стай] – как ты (находишься)? – эквив. How are you?

Сто бэнэ [сто бэнэ] – (я нахожусь) хорошо – эквив. Гm OK

Rìù [рью] – больше.

Buon giorno, Vladimir [буон джьорно, владимир] – добрый день, Владимир.

Первая строчка создает традиционный образ заграницы как земного рая: «набоб» – индийское слово, обозначающее богача, название отеля дано на итальянском языке. Затем вводится тема Набокова: «контекст» – основное пространство для языковой игры, как у Набокова, так и у Строчкова, аналогия с жизнью Набокова задается названием горы Больяско,

¹¹ Левин А. Орфей не обязательный. М., 2001. С. 169-184.

расположенной в Альпах на границе Италии и Швейцарии, где прошли последние годы жизни Набокова, «Другие берега» – название русской версии автобиографического романа писателя, а также обозначение чужой земли, иной страны, эмиграции. Некая уязвленность чужака передается через грамматическую категорию – страдательный залог, который весьма обычен в русском, но крайне редко используется в английском, что, возможно, вызвало сложности у Набокова при переходе с русского на английский. Страдательный залог оказывает медвежью услугу, т.е. без необходимости, навязчиво напоминает о себе; он – «медвежьник услуг», это «пластилинное» (по терминологии Левина – Строчкова) слово объединяет семантику слов «медведь», «услужливый», «служивый», «досужий». Затем названный по-английски страдательный залог помещается в закрытую, полутемную комнату (камеру обскуру?), она же – полость сомкнутого рта, берлога, в которой засел «обложный язык», т.е. воспаленный, больной и, как медведь, преследуемый охотниками – правилами английского языка. Над языком, как над медведем из сказки «Маша и медведь», тяготеют запреты, его предостерегает «охочий» (охотничий и сам рвущийся с языка) звук «английского рожка».

Вторая часть содержит апелляцию к родному языку. Начинается она с комической отсылки к Пушкину – создателю русского литературного языка. Языковая память смело («на арапа») пробивается «родничком» – источником речевого потока. Слова «детина», незаросший «родничок», «дитя», «баюбай», пузыри и гулень создают образ детства человека и детства языка, вырывающегося из «вольеры» на волю, подсматривающего в «медвежий глазок». А затем естественно возникают римские мотивы, аллюзивные к Горацию, «разымчивой латыни», мифу об основании вечного Города, колыхали европейской культуры.

В третьей части ведущей становится тема кровного родства. «Материнское молоко» латыни, всосанное в младенчестве, с языка (и органа питания и артикуляции, и языка в лингвистическом смысле) «расходится в крови опаловой волной» – ассонанс создает ощущение плавного, округлого, нежного движения, и «урсусливая злоба» исчезает, растворяется в этой мягкой волне. Слово «урсусливая» (злоба) – тоже «пластилинное», объединяет латинский корень слова «медведь» (а «урс» звучит, как URSS), со словом «суслик», т.е. «урсусливый» – значит трусливый и агрессивный. Слова «любимый» и «родной» переводятся затем на итальянский, причем «prediletto», «amata», «germino» обозначают узы кровного родства матери, дитяти, братьев. Вместо темной комнаты возникает образ горящей свечи. В конце этой части стихотворения мешаются русские и

итальянские слова, поскольку герой уже затрудняется сказать, какой язык и какая страна ему роднее. Выражение «трепещет язычок» поддерживает образ свечи, но и указывает также на работу детского языка или на трепет язычка колокольчика – фраза «candela di lanterna» воспринимается как звукоподражание бубенчику-колокольчику. Языки настолько близки, что возможна игра-перестановка слов, похоже звучащих: слова «мечта» и «сон» звучат то по-итальянски, то по-русски. Мелодия этой части тихая, напоминает шепот, шорох, лепет.

Четвертая часть контрастна к тихой (сонной, мечтательной) третьей. Английское «dream» (мечта) напоминает звон будильника. Врываются губно-зубные звуки английского языка («назойливый кузен»), с которым не прямое, а косвенное родство, который проще и грубее («братан»). Сознание поднимается на поверхность сна, возвращается в громкую явь.

Пятая часть снимает контраст языков, а также противопоставление мечты и действительности. Звонкое, радостное утро: «Мир поднимает «Hi!!!», т.е. «хай» – шум, итальянское приветствие «Come stai?» по-русски напоминает о птичьих стаях. Затем перемежаются приветствия на разных языках (древнееврейском, итальянском, немецком, английском, Керала – штат в Индии), понятные всем: «Шалом!», «Чин-чин!», «Окау!» (т.н. слова-интернационализмы). Переключка итальянско-русских омонимов («сто бэнэ» – «сто», «piu» – «пью») подготавливает транслитерацию, когда русское слово передается латиницей. «Джин» – волшебник выпущен из бутылки, а напиток джин приправлен тоником. Веселая и понятная смесь языков («хоть на суахили») образует «цеплячий Вавилон» – т.е. цепкий и напоминающий вылупившегося цыпленка. «Медведка языка» – уже не страшный медведь, а маленький, игрушечный медвежонок или насекомое, разгребющее землю, чтобы прорвать «запруду иноречи», дать дорогу роднику. Преграда сломана, речь свободно выходит из гортани, окно открыто навстречу миру – доброму, просторному, прелестному, живому. Заканчивается стихотворение призывом «разинуть окно и рот», т.е. понятие «чужих берегов» теряет смысл в мире дружеского общения, доброжелательного диалога на «брудершафт».

Поэтические приемы В. Строчкова напоминают о языковой утопии В. Хлебникова, мечтавшего создать, с опорой на лингвистическую интуицию, единый «заумный» язык (ибо «умные» языки разъединяют) для Государства Времени, объединяющего все человечество. Таким образом, постмодернизм вернулся к языковой игре модернизма, а начало XXI в., сняв «железный занавес», возродило культурологический пафос начала XX столетия.